

УДК 94(37).08

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.11>

С. А. Сахаров

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

Проблемы восприятия Августином коррупции привлекли в свое время внимание профессора Ричмондского университета Питера Кауфмана, который в своей статье с характерным названием «Августин и коррупция», вышедшей в 2009 г., вступает в полемику с рядом видных исследователей поздней античности, в числе которых, к примеру, Рамсей МакМаллен, склонных видеть в воззрениях епископа Гиппона признаки потворства и оправдания коррупции. В своей статье мы вновь обращаемся к вопросам восприятия названного феномена в системе социально-политических ориентаций великого отца церкви. Основой анализа для нас стало эпистолярное наследие Августина. В его письмах, среди адресатов которых высокопоставленные должностные лица центральной имперской администрации, судьи, коллеги-епископы, прослеживается двойственное отношение к вопросам использования личных связей, власти в интересах защиты имущественных прав как отдельных лиц, так и всей церковной организации, позволяющее делать столь же неоднозначные выводы относительно поддержки или отрицания им коррупционных связей как способа решения вопросов, имеющих социально-политическое значение. Августин имеет совершенно рациональное отношение к

имуществу, собственности. Он понимает значимость материальных благ для существования в условиях «земного града». Являясь лицом, осуществляющим управленческие функции, он не может не отстаивать имущественных прав возглавляемой им организации, ибо на них зиждется само существование последней. При этом анализ данных переписки Августина позволяет обнаружить принципиально иной по сравнению с современным нам подход к восприятию коррупции. Для него последняя состоит не в форме, а в сущности. Он считает совершенным злом взяточничество и продажность, но готов использовать связи с влиятельными людьми для достижения целей, которые сам он считает благом, даже если чисто внешне они могут нести в себе признаки злоупотребления влиянием, связями в интересах третьих лиц.

Ключевые слова: Аврелий Августин, эпистолярное наследие Августина, письма Августина, коррупция, восприятие Августином коррупции.

Для цитирования: Сахаров С. А. Коррупция в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 88–97. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.11

Stanislav A. Sakharov

CORRUPTION IN THE SYSTEM OF SOCIAL AND POLITICAL VIEWS OF AURELIUS AUGUSTINE

Peter Kaufman, the professor of the University of Richmond, took interest in Augustine's interpretation of corruption and, in his article with the characteristic title "Augustine and Corruption", published in 2009, enters into controversy with several prominent researchers of late antiquity, including, for example, Ramsey McMullen, who are inclined to see in the views of the bishop of Hippo signs of indulgence and justification of the corruption.

In our article, we again turn to the problems of perception in connection with the socio-political views of the great father of the church. The epistolary legacy of Augustine has become the basis of our analysis. In his letters, among the addressees who are in high-ranking areas of general authority, judges, and fellow bishops, there is an ambivalent attitude towards the choice of personal contacts, the power in protecting the property rights of individuals and the whole church organisation, allowing to do ambiguous conclusions regarding support or denial of corruption ties as a solution to issues having socio-political values.

Проблемы коррупции всегда привлекали внимание историков, философов, юристов. В любой ценностной системе координат взятки, использование власти в корыстных целях и пр. рассматриваются как явления, таящие в себе экзистенциальную угрозу обществу и государству.

Augustine has a completely rational attitude towards the property. He understands the significance of material goods for existence in the conditions of the Earthly City. Being a person realising managerial functions, he cannot but defend the property rights of his organisation as its determination is based on them.

At the same time, the analysis of Augustine's correspondence data allows us to discover a brand new approach to the perception of corruption in comparison with the well-known one. For him, venal practice does not consist in form, but in essence. He considers bribery and venality to be a complete evil, but he is ready to use connections with influential people for beneficial purposes, even if outwardly they may bear signs of abuse of influence and connections in the interest of third parties.

Key words: Aurelius Augustine, Augustine's epistolary heritage, Augustine's letters, corruption, Augustine's perception of corruption.

For citation: Sakharov S. A. Corruption in the system of social and political views of Aurelius Augustine // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 88–97 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.11

Так было и в Поздней Римской империи, где коррупция, в определениях Дж. Кайдена [8] и Дж. Куаха [23], стала «образом», а не «фактом» жизни, отражая саму сущность системы домината, в которой, по словам М. М. Казакова, бюрократия превратилась в самостоятельную силу, потребля-

ющую значительную часть прибавочного продукта и постоянно претендующую на дополнительные средства и услуги [2, с. 40]. Сказанное вызывало обеспокоенность властей, которые десятилетие за десятилетием пытались положить конец использованию чиновниками личных связей и влияния, денег и служебных полномочий и которые, к слову сказать, оставались безрезультатными, свидетельствуя о принципиальной неспособности империи поставить под должный контроль собственную административную систему.

На опасности, порождаемые бюрократическим произволом и коррупцией, обращали внимание и представители позднеантичной интеллектуальной элиты. В их числе видное место принадлежит Аврелию Августину, для которого коррупция – гораздо больше, чем просто посягательство на установленный государством порядок, она являет для него свидетельство разрушения общественной нравственности, в конечном итоге – человеческой души.

На «роль» коррупции в истории Позднего Рима обращали внимание и исследователи античности. В их числе, например, А. Альфельди, указывавший на превращение в империи эпохи домината высших государственных должностей в объект купли-продажи [5, р. 35]; или Р. МакМаллен, для которого вовсе коррупция и падение Рима являются едва ли не синонимами [20].

Принимаясь за работу над данной статьей, мы определили предметом исследования эпистолярное наследие одного из отцов христианской церкви Аврелия Августина. Такой выбор обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, к решению подобного рода задач располагает само содержание интеллектуального наследия Августина, ибо христианский мыслитель напрямую затрагивает вопросы злоупотребления властью в корыстных целях, развивает собственную концепцию богатства, которая в своей сущности дает августиновский ответ на вопрос о причинах непобедимости коррупции. К слову сказать, именно анализ данных категорий в контексте этики отца церкви, его социально-экономического учения нашел наиболее полное осмысление в историографии. К примеру, вопросы богатства и бедности в творчестве Аврелия Августина стали предметом пристального изучения американской исследовательницы К. Уорд [25; 26; 27; 28], а также английского и американского антиковеда П. Брауна [6; 7]. Вместе с тем, обращение к взглядам Августина в качестве одного из оснований изучения проблем восприятия коррупции в среде позднеантичной интеллектуальной элиты обусловлен тем колоссальным влиянием, которое отец церкви оказал как на римское общество, так и на весь ход мировой истории. Личный авторитет и влияние епископа подчеркивает широта адресатов его писем, в числе которых мы встречаем и богатую вдову Пробу,

с которой он обсуждает духовно-нравственные проблемы богатства и бедности, и высшего гражданского чиновника империи (*magister officiorum*) Олимпия. Как отмечает С. Мрачек, «письма, которыми обменивались Августин и Олимпий, иллюстрируют короткое, но очень эффективное сотрудничество между духовенством и людьми, обладавшими политическим влиянием, которые представлены епископом Гиппона и главой администрации империи» [21, р. 224].

Широта сведений, содержащихся в письмах Августина, поистине впечатляет своим размахом. Обусловлено это тем, что и для него, и для других церковных деятелей эпохи, письма зачастую были единственным средством поддержания связи. Они могли иметь характер открытых посланий, которые открывали путь к известности и признанию [9, р. 196].

Эпистолярное наследие Августина содержит богатый материал, среди прочего, характеризующий воззрения отца церкви на вопросы богатства и жадности, продажности и коррупции, использования личных связей и влияния. Причем, что крайне важно, письма епископа Гиппона, в отличие от, к примеру, трактата «О граде Божьем», рисуют нам несколько иного Августина. Не философа-идеалиста, а Августина – реального человека, обладающего огромными властью и влиянием, обремененного массой совершенно земных проблем, вынужденного заботиться о мирских вещах в той же мере, как и о благах высшего порядка. Иными словами, переписка показывает отца церкви во всем разнообразии его личности, неминуемо обращая внимание на некоторые кажущиеся нам значимыми противоречия. Среди них и противоречия в отношении к богатству, к все той же коррупции.

Несмотря на то обстоятельство, что изучение интеллектуального наследия Аврелия Августина традиционно составляет значимое направление в мировой историографии, на сегодняшний день остаются недостаточно изученными взгляды отца церкви на вопросы коррупции. Названная проблема находит свое отражение в статье профессора Ричмондского университета Питера Кауфмана с характерным названием – «Августин и коррупция» [13]. На страницах работы находит отражение своего рода дискуссия между ее автором и рядом известных историков, в числе которых Р. МакМаллен [19; 20], С. Лансель [14], К. Лепелье [17; 18] и др., склонных находить в воззрениях Августина признаки принятия, оправдания и, едва ли, не поддержки коррупции. В свою очередь, П. Кауфман доказывает, что тот же Р. МакМаллен мог допустить неточность, приняв признание Августином неумолимости и неотвратимости коррупции за ее оправдание или поддержку [13, р. 54].

Разногласия по поводу поддержки Августином коррупции строятся на разной интерпретации ряда фрагментов из обширной переписки отца

церкви. Таким образом, следует сразу оговориться, что сама полемика строится на анализе конкретных примеров, отражающих реальное отношение Августина к коррупционным связям, а не всего массива данных, затрагивающих вопросы коррупции, стяжательства, губительного влияния денег и материальных благ на человека, государство и общество, которыми изобилует наследие епископа Гиппона.

Так, в частности, основываясь на данных писем Августина, мы можем предположить, что в сознании епископа существует неразрывная связь между коррупцией и донатистским расколом, начался который еще во времена гонения Диоклетиана в связи с разделением христианской общины на сторонников «строгости» и «умеренных». Первые, как пишет Ф. Шафф, устремились за мученическим венцом, считая бегство от опасности или выдачу священных книг трусостью и предательством. В свою очередь «партия умеренных», во главе которых стоял епископ Мензурий и его преемник Цецилиан, выступали за терпимость, не считая отступниками и предателями тех, кто во имя спасения христиан выдавал язычникам для сожжения священные книги. Среди таковых был и сам Цецилиан. Его оппоненты настаивали на необходимости повторного крещения всех, кто был крещен официальной церковью, священниками Цецилиана, в связи с избранием которого епископом Карфагена по оговоренным выше причинам возникло немало трудностей, ибо донатисты отказывались признавать его [4, с. 245].

У Цецилиана в Карфагене было много оппонентов, в числе которых был примас Нумидии Секунд, около семидесяти нумидийских епископов и, наконец, суеверная и богатая вдова Лусиллы, которой предстояло сыграть особую роль в «деле Цецилиана». И эта роль, в интерпретации Августина, как раз и связана с той самой «чистой» коррупцией, источниками которой будут два взаимосвязанных фактора, а именно богатства Лусиллы и «пороки души» семидесяти «продажных» епископов [4, с. 245].

Секунд и те самые семьдесят епископов, среди которых, по словам Ф. Шаффа, преобладали «сторонники строгости», собрались на собор в Карфагене, сместили и отлучили от церкви Цецилиана и избрали на его место Майорина, любимца Лусиллы [4, с. 245].

В конце же IV – начале V в. Августин попытался примирить донатистов с официальной церковью. По этому поводу он написал несколько работ. А в 411 г. по приказу императора дело было передано на рассмотрение нового суда в Карфагене, где Августин выступал в роли главного обвинителя. Закончилось рассмотрение дела победой официальной церкви. Против донатистов были применены суровые гражданские меры, включая высокие штрафы, конфискации имущества. В 415 г. им вовсе запретили проводить свои религиозные собрания под страхом смерти [4, с. 245].

Теперь посмотрим, как интерпретирует описанные выше события Августин. Его позиция по делу о донатистском расколе изложена в нескольких письмах, которые были написаны отцом церкви между 397 и 402 гг. В одном из этих писем, которое, по существу, носит открытый характер, ибо, помимо указанных в качестве адресатов лиц, обращено оно ко «всем, кому это может быть интересно», Августин пишет о том, что около семидесяти епископов осудили Цецилиана, бывшего епископа Карфагена вместе с его соратниками и теми, кем он был рукоположен. Отец церкви сразу обозначает свое отношение к произошедшему, обращая внимание на следующее обстоятельство: приговор был вынесен без обсуждения в отсутствие тех, кто был затем осужден, и без ознакомления их с предметом обвинения (Aug. Ep. 43. 3; 43. 6; 43. 10). Иными словами, как бы мы сказали сегодня, с явными «процессуальными нарушениями». При этом примасу Секунду Августин ставит в вину то, что он привлек к суду людей, вина которых не была доказана, но которых судили люди, обнаружившие свою продажность (Aug. Ep. 43. 3; 43. 6; 43. 10).

Однако на этом Августин не заканчивает. Он пишет о том, что сознание участников собора было затуманено Лусиллой, очень богатой женщиной, которую он (Цецилиан) оскорбил, когда был дьяконом. Они были подкуплены и специально подстрекаемы против Цецилиана ее деньгами (Aug. Ep. 43. 17). В итоге Майорин под влиянием Лусиллы собрал фракцию епископов и, осудив Цецилиана в его отсутствие, был рукоположен в епископы (Aug. Ep. 43. 26). Таким образом, деньги в данной ситуации возымели верх, перевесив даже то обстоятельство, что Майорин был лишь скромным чтецом, не имевшим значимых заслуг перед христианской общиной, но, вероятно, имевший их перед своей богатой покровительницей.

«Коррупционные» обвинения в адрес донатистов содержатся и в письме 402 г., адресованном Августином Криспину, епископу донатистов Каламы. «Возможно, – пишет отец церкви, – тебе будет сложно заплатить штраф, наложенный на тех, кто крестил людей повторно, поскольку ты был вовлечен в большие расходы, подкупая тех, кого повторно крестил... Пусть Христос наполняет тебя страхом! Я хочу знать, что ты ему ответишь, если он спросит: «Криспин, сколь высока была цена, которую ты заплатил, чтобы купить страх малоплакийского крестьянства; и разве моя смерть, цена, уплаченная мной во имя любви ко всем народам, ... недостаточна?»» (Aug. Ep. 66. 1). Иными словами, Августин как бы предупреждает недовольства донатистов по поводу затруднений, вызванных необходимостью выплачивать наложенные на них штрафы, указывая на то, что не меньшие расходы они уже понесли в связи с подкупом участников собора, осудившего Цеци-

лиана, и прочих лиц, причастных к повторному крещению всех тех, кто был крещен служителями официальной церкви. Последняя, в интерпретации епископа, действует как носитель справедливости, «оплаченной» Христом собственной кровью. Еретики-донатисты же могут апеллировать лишь к «человеческим законам», а также к деньгам, посредством которых они получили возможность спекулировать на жадности людей, не ведающих истинной справедливости.

Названный эпизод в переписке отца церкви представляется весьма значимым в контексте спора о «поддержке» им коррупции. Донатистский раскол, по мысли Августина, помимо доктринальной составляющей, имеет и своего рода правовую составляющую. Она находит выражение в двух аспектах, обнаруживаемых в приведенных выше фрагментах переписки. Это, во-первых, те самые «процессуальные» нарушения, которые делают решения собора оспоримыми с формальной точки зрения. Во-вторых, это подкуп участников собора, осудившего Цецилиана, в котором епископ недвусмысленно обвиняет донатистов. Названные обвинения, эмоциональная оценка и общий контекст определения роли денег и факта подкупа, повлекшие за собой нарушение религиозного единства, свидетельствуют об осуждении Августином продажности и подкупности как элементов коррупционного поведения. Иными словами, о поддержке коррупции тут не может быть и речи.

К слову сказать, история с Цецилианом и донатистами – не единственный пример «чистой» коррупции, упоминаемой Августином, и свидетельствующий о ее проникновении также в сферу церковной жизни. Есть примеры и иного рода.

Если в «деле Цецилиана» речь идет о продажности, подкупности, то, к примеру, в письме, написанном Августином в 402 г. своему коллеге Ксантипу, речь, очевидно, идет о злоупотреблении влиянием и даже властью одним из служителей церкви. Здесь говорится о деле Абуденция, рукоположенного в пресвитера во владении Страбонии, принадлежащем к епархии Августина. Епископ изобличает Абуденция в присвоении денег земляка, вверенных ему для религиозных целей. Помимо этого, пресвитер был уличен в том, что во время поста обедал, ужинал и ночевал в доме женщины, известной дурной славой. Названные обстоятельства послужили для Августина достаточным основанием к тому, чтобы отстранить Абуденция от обязанностей пресвитера: «Я боялся, – пишет епископ, – оставить его руководить церковью, особенно той, которая находилась в самой гуще еретиков» (Aug. Ep. 65. 1).

Информация об этом деле сохранилась в переписке Августина в силу того, что он счел возможным удовлетворить просьбу Абуденция дать ему письмо с изложением дела к пресвитеру прихода, из которого он прибыл, чтобы не допустить

преувеличения подозрений в отношении его характера, позволив ему жить там «более последовательной жизнью». «Сострадание побудило меня сделать так как он хотел», – пишет Августин (Aug. Ep. 65. 1).

В переписке отца церкви мы встречаем фрагмент, относящийся к коррупции и в светской среде. В письме 410 г., адресованном Августином своему коллеге Фортунату, епископ пишет следующее: «Ваше священство хорошо знакомо с Фавенцием, арендатором Парацинского поместья. Он, спасаясь от преследований со стороны владельца названного имения, укрылся в одной из церквей Гиппона и оставался там, как обычно поступают беглецы, ожидая пока при моем посредничестве его вопрос будет улажен. Становясь с каждым днем все менее бдительным, он, ... выходя из дома после ужина, был похищен неким Флорентином, который использовал для его похищения группу вооруженных людей... Я сразу же обратился к трибуну, который руководит охраной (в этой местности) ... Утром мы узнали, где ночевал похищенный, а также узнали о том, что ранним утром он покинул дом, в котором провел ночь, вместе с человеком, удерживавшим его ... На следующий день я направил письмо с просьбой предоставить ему установленное императором для таких случаев право, находясь в течение тридцати дней под умеренной охраной, уладить спор или найти деньги для судебного разбирательства. Я надеюсь, что в течение этого срока мы сможем довести его дело до какого-либо мирного урегулирования ... Однако, я вместе с тем опасаясь, что если он предстанет перед судом магистрата, то нельзя гарантировать того, что он не станет жертвой несправедливости. Ибо, хотя этот судья широко известен своей честностью и неподкупностью, Фавенций имеет своим противником очень богатого человека ...» (Aug. Ep. 115).

Далее отец церкви просит Фортуната передать сопроводительное письмо самому судье, дабы гарантировать, что деньги не возымеют вверх в этом процессе (Aug. Ep. 115). Епископ выражает надежду, что судья отложит слушание этого дела, ибо он не уверен в виновности похищенного и в том, что судья не упустит из внимания того обстоятельства, что внезапное похищение (Фавенция) нарушает императорский закон, лишая его упомянутого выше права на отсрочку для улаживания дел.

И вот тут мы подходим к этому самому сопроводительному письму, которое вносит совершенно новую интонацию в наше исследование.

Для начала обратимся к существу письма. Августин начинает обращение к судье Генерозу следующими словами: «Хотя добрая молва о твоей деятельности и славное имя во всякое время приносят мне величайшее наслаждение, которым я обязан твоим заслугам и благожелательности,

я никогда еще не обременял тебя просьбой о помощи... Когда твое превосходительство узнает из писем, которые я направил достойному брату и коллеге Фортунату, что произошло в городе, где я служу Господу, твое доброе сердце сразу же поймет необходимость, из-за которой я вынужден отрывать тебя от дел этой просьбой» (Aug. Ep. 116).

Завершив лестное обращение, отец церкви подходит к главному. Он пишет: «И, несомненно, ты поступишь, как подобает не только праведному, но и христианскому судье, лелея по отношению к нам чувства, которых мы вполне можем ожидать во имя Христа» (Aug. Ep. 116).

Приведенные выше фрагменты двух писем Августина подводят нас к ряду мыслей.

Во-первых, о «чистой коррупции». Само по себе сомнение или опасение отца церкви по поводу того, что деньги могут повлиять на исход рассмотрения дела, указывают на одну простую и понятную мысль, которая состоит в том, что, по мнению Августина, взяточничество и подкуп были распространенным явлением в римской судебной администрации. В свою же очередь опасения относительно того, что Фавенций может стать жертвой несправедливости, обусловленной влиянием денег, вновь свидетельствуют об осуждении епископом коррупции.

Однако прочтение писем Августина, связанных с «делом Фавенция», позволяет заподозрить самого епископа в готовности использовать личное влияние в целях давления на суд. Очевидно, что, получив письмо от столь влиятельного в церковных кругах, да и в кругах политических, деятеля, каковым является Августин, судья Генероз не мог просто «отмахнуться». Он должен был реагировать. А как именно, Августин уже написал в своем обращении: «... ты поступишь, как подобает не только праведному, но и христианскому судье» (Aug. Ep. 116).

Можем ли мы рассматривать данный эпизод как пример коррупции? Вряд ли! Причина тому – отсутствие личной материальной заинтересованности епископа. Но мы можем смело утверждать, что Августин не просто был готов, но и использовал свое влияние, вмешиваясь в дела совершенно светского порядка. Зачем он это делал? Очевидно, что не во имя личных корыстных интересов. В каких именно целях Августин использовал свою власть и влияние он сам объясняет в одном из писем, заявляя о своем стремлении сделать так, чтобы никто не подвергался чрезмерной суровости наказания, стремлении способствовать истинному благополучию людей, которое заключено в «блаженстве добрых дел, а не в гарантии безнаказанности за злодеяния» (Aug. Ep. 91. 7). Во имя милосердия и во имя того самого истинного благополучия церковь могла содействовать освобождению от штрафа, наложенного гражданской администрацией на еретиков, повинных во все том же донатистском расколе (Aug. Ep. 88. 7).

На подобные эпизоды в переписке Августина обращал внимание тот же К. Лепелье, анализируя письмо 413 г. викарию Африки Македонию, в котором отец церкви объясняет, почему епископы иногда ходатайствуют о помиловании преступников, и почему светские чиновники должны отвечать на эти ходатайства положительно. По мнению епископа, церковные лидеры во имя справедливости должны приходить на помощь в подобных ситуациях, выступая в качестве посредников в судебных тяжбах [18, р. 387]. К слову сказать, на это письмо обращал внимание и Р. МакМаллен, используя его в качестве средства доказывания тезиса о «поддержке» Августином коррупции. Историк, в частности, обращал внимание на то, что сами епископы, оказывая помощь заблудшим, сами нередко получали за свои услуги вознаграждение, которое, по мнению Р. МакМаллена, равносильно взятке. П. Кауфман, в свою очередь, и в данном эпизоде расставляет акценты иначе. По его мнению, для Августина в данном контексте гораздо более важным было то, что прощение, пусть даже и добытое с помощью денег, давало преступникам время для покаяния (Aug. Ep. 153, 3). Да и в целом эти подношения епископам по своему характеру и последствиям совершенно несопоставимы с крупными хищениями высокопоставленных чиновников и ущербом от лжесвидетельства или злонамеренного преследования в судах (Aug. Ep. 153, 3, 24) [13, р. 49].

В контексте сказанного следует обратить внимание на то обстоятельство, что само по себе вмешательство церковного лидера в судебные дела во времена Августина не было чем-то совершенно новым или противоестественным. Напротив, по словам П. Кауфмана, Августин развивает институциональное новшество IV века, которое как раз отчасти и было направлено на обуздание коррупции – епископские суды, в которых церковные иерархии улаживали споры между верующими [13, р. 57]. Однако не следует думать, что эти суды были совершенно защищены от пороков коррупции. Напротив, по утверждению К. Ухальде, они были поражены многочисленными пороками мирского правосудия [12; 24, р. 52–53, 66–67, 135–137].

В переписке Августина, тем не менее, присутствуют эпизоды, прочтение которых обнаруживает противоречия гораздо более масштабные, нежели те, которые выявляются в связи с рассмотренным выше «делом Фавенция». И эти противоречия позволяли и позволяли вновь и вновь задаваться вопросами о поддержке Августином коррупционных связей. Тот же Р. МакМаллен обращает внимание на еще один эпизод использования Августином своих связей и влияния для улаживания гражданских дел. Причем если в случае с «делом Фавенция» мы довольно легко могли отвести любые подозрения на наличие в

действиях епископа Гиппона какой-либо коррупционной составляющей ввиду отсутствия в нем составляющей имущественной, то в новом деле – «деле Бонифация» – сделать это сложнее, ибо тут эта имущественная составляющая уже проявляется со всей очевидностью.

Итак, обратимся к переписке отца церкви. В 408 г., едва получив слухи о повышении Олимпия, с которым Августин был знаком задолго до того, и быстро воспользовавшись ситуацией [21, р. 225], епископ пишет вновь назначенному магистру официальной письма следующего содержания: «Кем бы ты ни был в этом мире по своему положению, – начинает Августин, – я обращаюсь к тебе как к моему возлюбленному сподвижнику-христианину... Что касается твоего процветания, я ни на мгновение не сомневаюсь, что ты мудро распорядишься им в целях вечного спасения, ибо чем большее влияние ты обретишь на этой земле, тем более сможешь посвятить себя интересам Небесного града, которому ты обязан своим рождением во Христе» (Aug. Ep. 96. 1).

Завершив приветствие, епископ Гиппона переходит к изложению существа вопроса, вынудившего его писать столь высокопоставленному сановнику: «Я вновь верю твоей благосклонности прошению моего коллеги и брата Бонифация в надежде, что то, что не могло найти решение ранее, найдет решение теперь. Возможно, он мог бы законно сохранить имущество, обретенное его предшественником от чужого имени и которым он владел от имени Церкви. Однако я не хочу, чтобы бремя долгов перед казной лежало на нашей совести» (Aug. Ep. 96. 2).

Отвлекаясь от витиеватых фраз Августина, отметим, что он просил помощи Олимпия в решении сложного имущественного вопроса епископа небольшого городка Катаквы, расположенного неподалеку от Гиппона – Бонифация. Просьба эта касалась принадлежащего ему земельного владения. Уже будучи в долгах перед фиском, Павел, предшественник Бонифация, купил его на имя одной влиятельной семьи, желая таким образом скрыть свое новое земельное владение и тем самым избежать налогового бремени [21, р. 226–227].

Вследствие изложенного, по словам Августина, церковь может обрести это имущество не путем обмана, совершенного своим епископом, а лишь в силу открытого акта щедрости своего императора-христианина (Aug. Ep. 96. 2). И вот собственно этот акт щедрости Августин просит «обеспечить» Олимпия. Епископ Августин не просит налоговых льгот для Бонифация. Он хочет, чтобы христианский император проявил христианскую щедрость, восстанавливая собственность церкви Катаквы [21, р. 228]: «Я прошу тебя снисходительно поддержать это ходатайство ... Ибо ответ, который он (Бонифаций) получил ранее, не соответствует нашим ожиданиям. А теперь, поскольку у тебя до-

брый нрав и ты обладаешь огромным влиянием, я не сомневаюсь, что его просьба будет легко удовлетворена милостью Господа. Если бы ты попросил даровать эту собственность от своего имени и затем подарил ее церкви, то кто бы стал порицать твою просьбу? Нет! Скорее кто бы не одобрил ее, ибо продиктована она не земной алчностью, а христианским благочестием?» (Aug. Ep. 96. 3).

Иными словами, Августин предлагает Олимпию вполне конкретный путь решения проблемы Бонифация. Магистр должен ходатайствовать перед императором о передаче ему прав на участок. Затем он должен был передать права на землю Бонифацию. Желая убедить Олимпия сделать то, что он хочет, отец церкви представляет свой план как акт христианского милосердия [21, р. 228].

Судя по следующему письму, отправленному Августином Олимпию, его план удался: «Узнав о твоём заслуженном повышении, верю, что никаких других чувств по отношению к Церкви, чьим истинным сыном к нашей радости ты являешься, ты не испытываешь кроме тех, о которых ты сказал в предыдущем письме» (Aug. Ep. 97. 1).

В рассматриваемом фрагменте переписки Р. МакМаллен усматривает потворство отца церкви уклонению от уплаты налогов, ибо он не только хвалит Бонифация за речение о церковных имуществвах, но и сам, как мы видели выше, активно включается в дело отстаивания прав церкви на земельное владение, не обращая внимания на налоговые нарушения, связанные с его приобретением, и используя для достижения своих целей личные власть и влияние высшего сановника империи [20, р. 167, 271]. Как отмечает П. Кауфман, по крайней мере один из современников Августина, имя которого нам неизвестно, подверг его за это критике. Сам текст обвинения, которое Р. МакМаллен и С. Лансель рассматривают как свидетельство потворства Августина стяжательскому обществу в Гиппоне [14, р. 313; 19, р. 167], не сохранился, но мы знаем о нем благодаря отрицанию епископом обвинения в свой адрес [13, р. 49].

П. Кауфман не соглашается с Р. МакМалленом, усматривая в открытом письме Августина Олимпию не признак поддержки коррупции или потворства уклонению от уплаты налогов, а лишь зерно рационализма, ибо, будучи епископом, он не мог не ценить того, что его коллеги проявляли заботу о сохранении имуществ церкви [13, р. 49]. Этот рационализм П. Кауфман находит и в желании Августина «очистить» от последствий махинаций предшественника нового главу церкви Катаквы, обращая внимание на то, что само по себе это желание вовсе не означает ни поддержки, ни оправдания коррупции [13, р. 49].

Но тут нужно заметить и обратное. Августин признает факт «непрозрачности» обретения имущества Павлом. И, тем не менее, он принимает усилия к тому, чтобы сделать незаконное – законным. Причем как он это делает? Используя

личные связи, личное влияние. Даже заискивая перед высокопоставленным светским чиновником. Иными словами, отстаивая имущественные интересы церкви, епископ Гиппона не стесняется в выборе средств.

Весьма интересно то, что, улаживая с помощью личных связей дела Бонифация, с самим Бонифацием отец церкви ведет переписку совершенно иного свойства, разясняя вопрос о том, причиняют ли родители вред своим крещенным детям, когда пытаются исцелить их во время болезней, принося жертвы ложным богам (Aug. Ep. 98. 1).

В качестве контраргумента против тезиса о поддержке Августином стяжательского общества в Гиппоне П. Кауфман приводит поставившую епископа в крайне неловкое положение историю с попыткой населения города едва ли не силой рукоположить в священники богатого христианина Пиниана. Названные события нашли отражение в его переписке. В нескольких письмах, датированных 411 г., епископ как бы оправдывается за поведение прихожан, которые проявили чрезмерную настойчивость в своих требованиях относительно рукоположения Пиниана. К. Лепелье объясняет оправдания Августина смущением. Он, вероятно, хотел верить, что для его прихожан показное презрение гостя к деньгам гораздо более важно, нежели его богатства и преимущества, которые в этой связи могло сулить его рукоположение. Однако поведение населения города явно свидетельствовало об обратном, разрушая иллюзии епископа и вынуждая его оправдывать самого и оправдывать свою паству. Таким образом, своими письмами отец церкви как пытался заставить замолчать внутренний голос, который указывал ему на истинные мотивы требований горожан [18, p. 387].

Проанализированные нами примеры, таким образом, позволяют сделать ряд выводов.

1. В своей переписке Августин осуждает коррупцию в таких ее проявлениях, как подкуп, использование служебных полномочий, власти и влияния в интересах личного обогащения. Названные формы коррупции в сознании отца церкви являются экзистенциальными угрозами, нарушающими социально-политическую стабильность и справедливость.
2. При этом Августин не видит ничего плохого в том, чтобы, во-первых, использовать личные связи и влияние для достижения целей, которые представляются ему справедливыми, как в случае с «давлением» на судью Генероза, и, во-вторых, использовать власть и влияние высокопоставленного чиновника центральной имперской администрации, каковым являлся Олимпий, для защиты имущественных прав и интересов церкви, как в случае с историей Бонифация.

3. В последнем случае действительно можно найти основания к тому, чтобы заподозрить епископа Гиппона в поддержке и даже использовании коррупционных связей. Ибо в современной интерпретации этого понятия одной из форм коррупционного поведения как раз и является использование должностным лицом своих служебных полномочий в личных интересах или в интересах третьих лиц.

4. Вместе с тем следует задаться вопросом: являлись ли названные действия проявлением коррупции в эпоху самого Августина? Судя по горячей убежденности последнего в справедливости и непорочности предложенной им Олимпию схемы, в этом можно усомниться. Л. Хилль по этому поводу отмечает, что современная концепция коррупции серьезно отличается от классической, в которой она рассматривается исключительно в морализаторских категориях как утрата добродетели [10, p. 565]. Аналогичным образом и законы против коррупции, как пишет Дж. ЛаПаломбара, должны рассматриваться не абстрактно, а в историческом, культурном, институциональном, экзистенциальном контекстах, поскольку закон сегодня может определять, как коррупцию то, что ранее не воспринималось в качестве таковой [15, p. 325].

Таким образом, «дело Бонифация» и спор о поддержке Августином коррупции по сути дела ставят вопрос о восприятии названного явления в эпоху поздней античности в целом. Поскольку только в этом случае мы сможем дать однозначный ответ на вопрос о том, поддерживает ли Августин коррупцию.

С учетом данных, которые имеются в нашем распоряжении на данный момент, мы можем уверенно утверждать, что он не только не поддерживает коррупцию, но и решительно осуждает ее. Судя по проанализированным нами фрагментам источников, для отца церкви, вероятнее всего, коррупция отождествляется со взятками, подкупом и злоупотреблением властью в целях личного обогащения. При этом епископ оправдывает использование власти в имущественных интересах церкви, в интересах того, что он считает справедливым и праведным, не рассматривая это как проявление коррупции. То есть, не имея оснований обвинять отца церкви в поддержке коррупции, мы вслед за Р. МакМалленом можем усмотреть в его взглядах признаки ее оправдания.

Констатируя таким образом определенную двойственность в отношении Августина к коррупции, мы должны задаться вопросом о ее причинах.

Дело в том, что сам Августин являет собой пример личности, существующей на грани двух измерений. И речь тут вовсе не о переходной эпохе между античностью и средневековьем. Речь об измерениях совершенно иного свойства.

Это измерения – божественное и человеческое, измерение Града небесного и Града земного. Сам же Августин и в силу своих убеждений, и в силу своего высокого статуса должен сохранять причастность к этим обоим «градам» одновременно. Это и порождает некоторые трудности или даже противоречия.

Так, будучи епископом, Августин должен проявлять заботу о делах мирского порядка. Это естественно. Являясь великим христианским мыслителем, он совершенно не склонен к религиозному фанатизму. Напротив, отец церкви демонстрирует острое понимание происходящего, он действует абсолютно рационально, здраво оценивает свое положение и свои возможности. Отсюда мы получаем готовность епископа сотрудничать со светскими властями, использовать личное влияние, связи во имя отстаивания интересов земного порядка, будь то свобода и доброе имя Фавенция, или имущественные права Бонифация и всей церковной организации.

Иными словами, в письмах, предназначенных, как бы мы сказали сегодня, «для служебного пользования» мы видим «Августина-прагматика», Августина земного, которому совершенно не свойственна оторванность от действительности. Напротив, он живет в этой действительности, действуя согласно ее требованиям, условиям. Августин видит пороки окружающего его мира, изобличает их, но при этом не пытается от этого мира изолироваться.

В письмах же, адресованных миру, а равно как и в трактате «О граде Божьем», перед нами предстает другой Августин – это «Августин-романтик», Августин Небесного града. Он преисполнен надежд на наступление лучшего мира, мира свободного от коррупции, стяжательства, жадности власти и сопряженной с ней жадности обогащения. Однако для этого мира время еще не пришло, что отчетливо понимает отец церкви.

Мы не согласимся с теми историками, которые склонны обвинять Августина в одобрении или даже поддержке коррупции. Он не только не поддерживает ее, но и не принимает. Отстаивая это, мы можем обратить внимание на то обстоятельство, что, используя те же личные связи, свое влияние, отец церкви совершенно не пытается скрыть этого. Напротив, как мы могли убедиться выше, он совершенно открыто и ясно настаивает на том, что, к примеру, реализация его схемы с имуществом Бонифация являет собой совершенное благо, в справедливости и целесообразности которого едва ли кто-то смог бы усомниться. Горячая убежденность епископа в этом не оставляет сомнений в искренности его слов, в чистоте его помыслов. Кроме того, в переписке отца церкви мы не находим признаков желания каким-либо образом использовать свое высокое положение

в интересах личного обогащения. Защищая имущественные права Бонифация, Августин также действует не в интересах личного материального благополучия частного лица, а в интересах лишь некоей высшей справедливости. Суть последней условно можно свести к простой формуле: «справедливо все, что сделано в интересах церкви».

«Августин-прагматик» имеет совершенно рациональное отношение к имуществу, собственности. Он понимает значимость материальных благ для существования в условиях «земного града». Являясь лицом, осуществляющим управленческие функции, он не может не отстаивать имущественных прав возглавляемой им организации, ибо на них зиждется само существование последней.

Как отмечает К. Уорд, экономическая этика Августина основана на взаимозависимости, взаимной заботе богатых и бедных, внимании к моральным последствиям богатства и бедности [26, р. 217]. В свою очередь, епископ Гиппона, защищая, к примеру, интересы арендатора Фавенция пред лицом богатого землевладельца, действует в качестве посредника, обеспечивающего согласованное взаимодействие разных социальных сил римского общества. И в этой связи использование Августином личных связей и влияния, рассматриваемые даже как элементы коррупционного поведения, прекрасно укладывается в рамки функционального подхода к самой коррупции, согласного которому она воспринимается как временное связующее звено между элитой и низами [1, с. 88] в условиях низкой работоспособности государственных институтов [11; 22], компенсируя издержки чрезмерной бюрократизации государства [3], побуждая правительство содействовать экономическому росту, давая стимул для мобилизации бюрократии и т.д. [16].

Таким образом, обнаруживая некоторую двойственность в отношении отца церкви к вопросам богатства и собственности, к вопросам использования влияния, связей, мы можем констатировать иной по сравнению с современным нам подход к восприятию коррупции. Для Августина она несводима к набору формальных признаков. Для отца церкви коррупция состоит не в форме, а в сущности. Он считает совершенным злом взяточничество и продажность, но готов использовать связи с влиятельными людьми для достижения целей, которые сам он считает благом, даже если чисто внешне они могут нести в себе признаки злоупотребления влиянием, связями в интересах третьих лиц.

Коррупция для Августина – это порок души, высшим проявлением которой является продажность, разрушающая человека, государство и общество. Продажность проистекает из жадности, сребролюбия, которые и образуют саму сущность коррупции и которых, вместе с тем, мы не видим в мотивах поступков самого Августина.

Литература

1. Ардельянова Я. А. Теоретико-методологические подходы к понятию «коррупция» // Идеи и идеалы. 2013. № 3 (17). С. 86–93.
2. Казаков М. М. Римская империя: от принципата к доминату // Актуальные проблемы государства и права: VIII Кирилло-Мефодиевские чтения. Сборник научных статей. Смоленск: Универсум, 2002. С. 27–42.
3. Роуз-Акерман С. Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы. М.: Логос, 2003. 343 с.
4. Шафф Ф. История христианской церкви. Т. III. Никейское и посленикеевское христианство. От Константина Великого до Григория Великого. 311–590 гг. по Р. Х. СПб.: Библия для всех, 2007. 955 с.
5. Alföldi A. A conflict of ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford: Clarendon Press, 1952. 151 p.
6. Brown P. Augustine and Crisis of Wealth in Late Antiquity // Augustinian Studies. 2005. Vol. 36. No. 1. P. 5–30.
7. Brown P. Through, the Eye of a Needle: Wealth, the Fall of Rome, and the Making of Christianity in the West, 350–550 AD. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012. 759 p.
8. Caiden G. E. Public Maladministration and Bureaucratic Corruption // Hong Kong Journal of Public Administration. 1981. Vol. 16. No. 1. P. 58–62.
9. Flood J. St. Augustine in His Letters // The Furrow. 1952. Vol. 3. No. 5. P. 196–202.
10. Hill L. Conceptions of political corruption in ancient Athens and Rome // History of Political Thought. 2013. Vol. 34. No. 4. P. 565–587.
11. Huntington S. Political order in changing societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.
12. Kaufman P. I. Augustine, Macedonius, and the Courts // Augustinian Studies. 2003. Vol. 34. No. 1. P. 67–82.
13. Kaufman P. I. Augustine and Corruption // History of Political Thought. 2009. Vol. 30. No. 1. P. 46–59.
14. Lancel S. Saint Augustine. London: SCM Press, 2002. 590 p.
15. LaPalombara J. Structural and institutional aspects of corruption // Social Research. 1994. Vol. 61. No. 2. P. 325–350.
16. Leff N. H. Economic development through bureaucratic corruption // American Journal of Chinese Studies. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 119–135.
17. Lepelly C. Aspects de l'Afrique romaine les cités, la vie rurale, le Christianism. Bari: Edipuglia, 2001. 462 p.
18. Lepelly C. Les cités de l'Afrique romaine au bas-empire. Vol. 1. Paris: Études augustinienes, 1979. 422 p.
19. MacMullen R. Changes in the Roman Empire: Essays in the Ordinary. Princeton: Princeton University Press, 1990. 416 p.
20. MacMullen R. Corruption and the Decline of Rome. New Haven, London: Yale University Press, 1988. 319 p.
21. Mratschek S. Te velimus ... consilii participem: Augustine of Hippo and Olimpius – a case study of religious-political cooperation in the fifth century // Studia patristica. 2001. Vol. 38. P. 224–232.
22. Political corruption: A Handbook by A. J. Heidenheimer, M. Johnston, V. T. LeVine, eds. New Brunswick, N. Y.: Transaction Book, 1989. 1017 p.
23. Quah J. S. T. Governance and Corruption: Exploring the Connection // American Journal of Chinese Studies. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 119–135.
24. Uhalde K. Expectations of Justice in the Age of Augustine. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. 233 p.
25. Ward K. Augustine on Wealth, Poverty, and Property // Journal of Religious Ethics. 2014. No. 42 (2). P. 55–62.
26. Ward K. Porters to heaven: Wealth, the poor, and moral agency in Augustine // Journal of religious ethics. 2014. Vol. 42. No. 2. P. 216–242.
27. Ward K. Toward a Christian Virtue Account of Moral Luck // Journal of the Society of Christian Ethics. 2018. Vol. 38. No. 1. P. 131–145.
28. Ward K. Wealth, Poverty, and Economic Inequality. A Christian Virtue Response. A Dissertation submitted to the Faculty of the department of Theology in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Boston, 2016. 308 p.

References

1. Ardel'janova Ja. A. Teoretiko-metodologicheskie podhody k ponjatiju «korrupcija» (Theoretical and methodological approaches to the concept of «corruption») // Idei i idealy. 2013. № 3 (17). P. 86–93.
2. Kazakov M. M. Rimskaja imperija: ot principata k dominatu (The Roman Empire: from Principate to Dominate) // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava: VIII Kirillo-Mefodievskie chtenija. Sbornik nauchnyh statej. Smolensk: Universum, 2002. P. 27–42.
3. Rouz-Akerman S. Korrupcija i gosudarstvo: Prichiny, sledstvija, reformy (Corruption and the State: Causes, Consequences, Reforms). M.: Logos, 2003. 343 p.
4. Shaff F. Istoriya hristianskoj cerkvi. T. III. Nikejskoe i poslenikejskoe hristianstvo. Ot Konstantina Velikogo do Grigorija Velikogo. 311–590 (History of the Christian Church. T. III. Nicene and post-Nicene Christianity. From Constantine the Great to Gregory the Great. 311–590). SPb.: Biblija dlja vseh, 2007. 955 p.
5. Alföldi A. A conflict of ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford: Clarendon Press, 1952. 151 p.
6. Brown P. Augustine and Crisis of Wealth in Late Antiquity // Augustinian Studies. 2005. Vol. 36. No. 1. P. 5–30.
7. Brown P. Through, the Eye of a Needle: Wealth, the Fall of Rome, and the Making of Christianity in the West, 350–550 AD. Princeton, NY: Princeton University Press, 2012. 759 p.
8. Caiden G. E. Public Maladministration and Bureaucratic Corruption // Hong Kong Journal of Public Administration. 1981. Vol. 16. No. 1. P. 58–62.
9. Flood J. St. Augustine in His Letters // The Furrow. 1952. Vol. 3. No. 5. P. 196–202.
10. Hill L. Conceptions of political corruption in ancient Athens and Rome // History of Political Thought. 2013. Vol. 34. No. 4. P. 565–587.
11. Huntington S. Political order in changing societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.

12. Kaufman P. I. Augustine, Macedonius, and the Courts // *Augustinian Studies*. 2003. Vol. 34. No. 1. P. 67–82.
13. Kaufman P. I. Augustine and Corruption // *History of Political Thought*. 2009. Vol. 30. No. 1. P. 46–59.
14. Lancel S. *Saint Augustine*. London: SCM Press, 2002. 590 p.
15. LaPalombara J. Structural and institutional aspects of corruption // *Social Research*. 1994. Vol. 61. No. 2. P. 325–350.
16. Leff N. H. Economic development through bureaucratic corruption // *American Journal of Chinese Studies*. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 119–135.
17. Lepelly C. *Aspects de l'Afrique romaine les cités, la vie rurale, le Christianisme*. Bari: Edipuglia, 2001. 462 p.
18. Lepelly C. *Les cités de l'Afrique romaine au bas-empire*. Vol. 1. Paris: Études augustinienes, 1979. 422 p.
19. MacMullen R. *Changes in the Roman Empire: Essays in the Ordinary*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 416 p.
20. MacMullen R. *Corruption and the Decline of Rome*. New Haven, London: Yale University Press, 1988. 319 p.
21. Mratschek S. *Te velimus ... consilii participem: Augustine of Hippo and Olimpius – a case study of religious-political cooperation in the fifth century* // *Studia patristica*. 2001. Vol. 38. P. 224–232.
22. *Political corruption: A Handbook* by A. J. Heidenheimer, M. Johnston, V. T. LeVine, eds. New Brunswick, N. Y.: Transaction Book, 1989. 1017 p.
23. Quah J. S. T. Governance and Corruption: Exploring the Connection // *American Journal of Chinese Studies*. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 119–135.
24. Uhalde K. *Expectations of Justice in the Age of Augustine*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. 233 p.
25. Ward K. Augustine on Wealth, Poverty, and Property // *Journal of Religious Ethics*. 2014. No. 42 (2). P. 55–62.
26. Ward K. Porters to heaven: Wealth, the poor, and moral agency in Augustine // *Journal of religious ethics*. 2014. Vol. 42. No. 2. P. 216–242.
27. Ward K. Toward a Christian Virtue Account of Moral Luck // *Journal of the Society of Christian Ethics*. 2018. Vol. 38. No. 1. P. 131–145.
28. Ward K. *Wealth, Poverty, and Economic Inequality. A Christian Virtue Response. A Dissertation submitted to the Faculty of the department of Theology in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy*. Boston, 2016. 308 p.

Сведения об авторе

Сахаров Станислав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета / sacharov.stanislav@yandex.ru
 Адрес: д. 4, ул. Пржевальского, 214000, Смоленск, Российская Федерация.

Information about the author

Stanislav A. Sakharov – PhD in History, Associate Professor, State and Legal Courses Department, Smolensk State University / sacharov.stanislav@yandex.ru
 The address: 4, Przhevalsky st., 214000, Smolensk, Russian Federation.